

На рубеже.

1962.

№2.

только укреплял уверенность в том, что Валентина больше уже никогда не вернется к легкой, беспечной жизни.

В «Иркутской истории» Елизавета Акуличева показала себя актрисой тонких, едва уловимых переживаний, умеющей прекрасно пользоваться внутренними монологами, всегда очень насыщенными и весомыми. Не это ли и создает такой тесный контакт ее со зрителем...

Вот Валентина узнала о гибели Сергея, с которым только что разговаривала. Он был весел, влюбленно обнимал ее. Говорят, что в жизни в таких случаях человек от большого горя не в состоянии плакать. Это — в жизни. А на сцене? Как показать такое горе на сцене? Так, чтобы поверили!

...Она не плачет. Поправляя растрепавшиеся волосы, медленно по сцене проходит Валя. Женщина произносит всего одну фразу, не нужную сейчас фразу: «А куда же я шапочку подевала?» Произносит ее так, будто в данную минуту это самое главное, что без шапочки и невозможно идти. Потом, вдруг появив ужас происшедшего, стремительно бежит к Ангаре.

...А разговор с портретом Сергея? Это какая-то особенная, взволнованная сцена. Акуличева проводит ее интонационно сдержанно, но с таким внутренним нервным напряжением, что вдруг физически начинаешь ощущать присутствие рядом с ней Сергея. Не даром

так тихо в зрительном зале в эти минуты. В разговоре солидную речевую нагрузку несет ведущая, которая подзывает нам некоторые мысли героини. Является как бы не высказанным голосом ее сердца, направляет диалог. И вот что примечательно. Диалог воспринимается как единый голос самой Валентины.

Удивительный спектакль «Иркутская история» в Музыкально-драматическом театре Петрозаводска. На сцене трагически погибает Сергей — замечательный рабочий, прекрасный человек, нежный муж, любящий отец, а мы уносим с собой самые оптимистические мысли о коммунизме, при котором «...смерть вовсе не будет — потому что дела человека станут тогда во сто раз наших лучше». И это большая правда. У хорошего, доброго, сильного человека есть только одна дата в жизни — это дата его рождения.

За правду, за романтическую приподнятость, видно, и любят «Иркутскую историю» петрозаводские зрители. За это любят и Валентину, взятую Елизаветой Акуличевой прямо из жизни, и всегда другую, обновленную актрисой только что подсмотренными человеческими чертами. Действительно, каждый раз встречаешься с Акуличевой будто впервые. Уходишь из театра с мыслями о будущем, прекрасном, с хорошим, добрым отношением к человеку.

1812—А. И. ГЕРЦЕН—1962

Э. КАРХУ

☆

ГЕРЦЕН И ФИННЫ

Сполнилось сто пятьдесят лет со дня рождения А. И. Герцена — писателя и революционера, издателя знаменитого «Колокола», сыгравшего огромную роль в развитии русского освободительного движения. Когда мы думаем о Герцене, перед нами предстает человек удивительного душевного богатства, бесстрашия мысли, неумной веры в революционное действие. Мы вспоминаем об отрочестве Герцена и Огарева, о летнем вечере на Воробьевых горах, о двух мальчиках, чей «ребяческий сон» разбужден восстанием на Сенатской площади, поклялись посвятить свою жизнь борьбе с самодержавным гнетом. Эта цель, как самодеятельное существование, — и ни годы ссылки, ни вынужденное пребывание на чужбине, ни временные колебания в сложной обстановке общественной борьбы не смогли погасить его революционного духа.

Деятельность Герцена отличалась исключительной широтой и многогранностью. Он был блестящий художник, автор романа «Кто виноват?», ряда повестей и такого шедевра лирической литературы, как «Былое и думы», дающего широкую картину русской западноевропейской общественной жизни в протяжении целой исторической эпохи. Герцен вместе с тем был выдающимся философом, который в условиях крепостной России 40-х годов XIX века «сумел подняться на такую высоту, что встал вровень с величайшими мыслителями своего времени» (Ленин).

Работы Герцена по философии и истории русской общественной мысли сразу же получили признание передовых современников и до сих пор поражают не только глубиной содержания, энциклопедичностью изложений, но и изяществом стиля, по-герценовски личным отношением к предмету. Вос-

хищаясь необычной разносторонностью Герцена, поразительной одаренностью его натуры, Белинский писал ему в 1846 году: «У тебя страшно много ума, так много, что я и не знаю, зачем его столько одному человеку». Герцен, по словам Горького, «представляет собой целую область, страну изумительно богатую мыслями».

Одна из крупных заслуг Герцена заключается в установлении связей борющейся России с представителями прогрессивной общественности других стран. Следует иметь в виду, что в ту пору западноевропейская демократия часто отождествляла Россию исключительно с царизмом, не имея сколько-нибудь ясного представления о революционном движении в России, о ее литературе и общественной мысли. Герцен много сделал для преодоления этой неосведомленности.

В 1851 году на французском и немецком языках вышло его классическое сочинение «Развитие революционных идей в России», в дальнейшем для западноевропейского читателя издавались другие работы, а также французский вариант «Колокола». Герцен был связан узами дружбы со многими выдающимися людьми Запада, встречался с Робертом Оуэном и Виктором Гюго, Гарибальди и Машини, тесно общался с представителями европейской революционной эмиграции в Лондоне. Могучая личность Герцена, его неутомимая пропаганда привлекали к себе внимание этих людей, в их глазах он был живым примером новой России, непосредственным ее представителем.

Мысль Герцена постоянно обращалась к практическим задачам освободительной борьбы, важнейшим условием успеха которой было единство демократических сил всех народов. Герцену была чужда национальная ограниченность, вред которой он

так остро сознавал, о чем свидетельствуют, в частности, превосходные характеристики, данные в «Былом и думам» некоторым мелкобуржуазным деятелям лондонской эмиграции, зараженным националистическими предрассудками.

Стремлением преодолеть национальное недоверие и объединить усилия в борьбе с царизмом, во имя освобождения всех угнетенных народов России, были продиктованы и попытки Герцена и Огарева установить связь с представителями финского национального движения. У издателей «Колокола» были непосредственные контакты с финляндской эмиграцией в Стокгольме; именно Герцен и Огарев впервые выдвинули идею государственной независимости Финляндии как необходимого условия ее дружественных и равноправных отношений с будущей свободной Россией.

Так называемый «финский вопрос» заинтересовал Герцена еще в период Крымской войны 1854—1856 годов, когда о Финляндии заговорила европейская печать. Отстаивая демократическое решение национального вопроса, он писал, что насильственное присоединение одного народа к другому ведет не к единству, а к увеличению национальной ненависти. И если реакционная русская пресса, например «Московские ведомости» Каткова, ориентировала самодержавие на подавление демократического движения в Финляндии и на уничтожение ее автономии, то в «Колоколе» финский народ нашел своего защитника. Здесь печатались заметки о росте оппозиционных настроений среди передовой финляндской общественности, требовавшей политических свобод, открытия финляндского сейма, проведения ряда социальных реформ.

Особый интерес приобрела Финляндия для русских революционеров в связи с восстанием 1863 года в Польше. Западная граница оказалась закрытой, возникли большие трудности с доставкой нелегальной литературы в Россию. Издатели «Колокола» должны были изыскать новые пути сношения с родиной, в частности с тайным обществом «Земля и воля», которое ставило своей целью подготовку крестьянского восстания в России. Одним из способов связи мог быть путь через Швецию и Финляндию. От польских революционеров, имевших в Швеции своих представителей, Герцену и Огареву стало известно, что в Стокгольме находились финляндские политические эмигранты, с которыми и необходимо было установить контакт. С этой целью в 1863 году туда выехал сначала Михаил Бакунин, а затем сын Герцена.

Среди финляндских эмигрантов, с кото-

рыми сблизилась русские революционеры, были поэты Эмиль Квантен и Карл Веттергоф, профессор права Юхан Якоб Нордстрем и минералог Адольф Норденшельд, известный впоследствии полярный исследователь. Все они покинули родину по политическим мотивам, еще в период царствования Николая I, когда в Финляндии, как и в России, свирепствовала жестокая цензура и подавлялось всякое проявление свободной мысли.

В Швеции некоторые из финляндских эмигрантов занимали видное общественное положение. Нордстрем и Квантен были депутатами шведского риксдага и принимали активное участие в политической жизни. Наряду с этим эмигранты поддерживали тесную связь с Финляндией, интересовались ее делами, особенно в начале шестидесятых годов, когда финляндская общественность жила ожиданием социальных и политических реформ. В 1863 году Нордстрем и Веттергоф сами ездили в Финляндию, и не исключено, что их поездки имели какое-то отношение к поручениям русских революционеров, с которыми они к тому времени были уже знакомы.

Эмигранты получали с родины множество писем, в которых освещалось политическое положение в стране, рост оппозиционных настроений. Часть этих писем Квантен опубликовал в четырех брошюрах под названием «Финляндские условия». Отдельной брошюрой были изданы статьи, не пропущенные местной цензурой. Брошюры эти предназначались для распространения в самой Финляндии с целью возбудить там недовольство политикой царизма.

Упомянутые эмигранты были сторонниками так называемой «идеи скандинавизма», создания союза скандинавских стран — Швеции, Норвегии, Дании, к которым должна была присоединиться на правах автономии и Финляндия. Вначале они надеялись на то, что в Финляндии произойдет восстание, однако надежды эти были слабыми, и эмигранты больше рассчитывали на военное вмешательство европейских стран — Англии, Франции, Швеции, с помощью которых удалось бы отторгнуть Финляндию от России. Такая надежда возникла еще в период Крымской войны 1854—1856 годов, а затем ожила вновь во время польского восстания 1863 года, когда осложнились внешнеполитические отношения между Россией, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой.

Идея скандинавизма была утопической идеей и не могла встретить поддержки ни в финском народе, ни в народах скандинавских стран. Если правящие круги Шве-

ключая шведского короля Карла XV, не прочь стать во главе скандинавского союза, то сами народы стремились к государственной самостоятельности. Это карем и народа Норвегии, которая тогда вошла в состав Швеции, и народа Финляндии, в которой нарастало национально-освободительное движение.

Финляндские эмигранты, рассчитывавшие на военное вмешательство Англии и Франции, наивно полагали, будто правительства этих стран были действительно заинтересованы в судьбе финского народа. Снельман, известный политический деятель Финляндии, был прав, когда в одной из своих статей написал, что даже если бы Англия, Франция и объявили в 1863 году войну России, то они сделали бы это не ради России и Финляндии, а ради собственных интересов, прежде всего в целях ослабления России. Однако Снельман был также прав и революционной борьбы с самодержавием и против того, чтобы финны судничали с деятелями русского освободительного движения. Он призывал финнов быть «лояльными» к царскому правительству и возлагать все надежды на реформы «сверху».

Русские революционеры, напротив, ориентировали финляндских эмигрантов на то, чтобы только в совместной борьбе всех народов России может быть свергнут ненавистный политический режим.

В феврале 1863 года в Швецию выехал известный друг Герцена и Огарева — Михаил Бакунин, незадолго до того бежавший из царской ссылки. Правда, уже в ту пору между издателями «Колокола» и Бакуниным были идейные разногласия, главной причиной которых являлось безудержное ожесточение Бакунина, его авантюристическая тактика «немедленных бунтов», без учета реальной обстановки и степени подготовленности народных масс к восстанию. Впоследствии, как известно, Бакунин стал ярким врагом созданного Карлом Марксом I Интернационала. Свою вторую поездку в Швецию (осенью 1864 года) Бакунин совершил уже с целью вербовки эмигрантов в собственную тайную организацию. В Стокгольме Бакунин имел встречи с финляндскими эмигрантами и в переписке с Герценом подтвердил возможность установления связей с Россией через Финляндию. Из писем Бакунина у издателей «Колокола» сложилось впечатление, что в Финляндии существовала тайная революционная организация, хотя, зная склонность Бакунина к преувеличениям, они относились к его сообщениям сдержанно. Эта сдержанность была оправданной. Насколь-

ко позволяют судить известные нам документальные материалы, ни в самой Финляндии, ни среди финляндских эмигрантов в Стокгольме не было тогда такой тайной организации, которая имела бы центральное руководство, четко сформулированную политическую и социальную программу. Но это не исключало известной согласованности действий Квантена и его друзей, у них были нелегальные связи с родиной, свои корреспонденты и источники информации, способы переписки и доставки в Финляндию запрещенных изданий. Все это представляло интерес и для русских революционеров.

Сообщаемые Бакуниным сведения нуждались в существенных дополнениях. Герцену и Огареву хотелось иметь обстоятельную информацию об экономическом и политическом положении в Финляндии, о настроениях ее народа, о взаимоотношениях сословий, о степени самодержавного гнета и конкретных его проявлениях в финляндских условиях, о целях и задачах финляндских эмигрантов, о их отношении к России и русскому освободительному движению. Эти данные необходимы были для того, чтобы на их основе определить, какой характер может принять сотрудничество между прогрессивными силами России и Финляндии. Герцен имел намерение сам выехать в Стокгольм, но поездка его не состоялась. В Швецию он отправил своего сына Александра Александровича.

Для молодого Герцена была подготовлена письменная инструкция. В Стокгольме предполагалось создать русскую типографию для печатания революционных изданий, а в Финляндии — склад нелегальной литературы, которая затем с помощью финнов должна была переправляться в Россию. Для восстановления связи лондонского революционного центра с обществом «Земля и воля» в Россию предполагалось отправить нарочного из числа финнов, со специальным письмом.

В инструкции, написанной Огаревым, подчеркивалось, что со стороны русских революционеров «всего благоразумнее желать им (финнам — Э. К.) отдельного существования», то есть государственной самостоятельности. К этой цели финны должны были стремиться, сообразовываясь с задачами общерусской освободительной борьбы, а не в отрыве от нее. В качестве безусловного требования Огарев выдвигал принцип единства действий, финнам следовало вести «пропаганду не враждебно России, а в помощь всем стремлениям русской социальной реформы». Сознывая, что в то время народы России и Финляндии еще не были готовы

к решительной борьбе с царизмом, Герцен и Огарев считали необходимым тщательно готовиться к революционным выступлениям в будущем, и «тут мы с финнами, естественно, должны идти рука об руку — и никакие особые цели и чужие вмешательства не могут нас разделить. Для нас самостоятельность Финляндии становится такой же дорогой, внутренней мыслью и целью, как для финнов коренное преобразование России из петербургской (то есть самодержавной — Э. К.) в народную и федеративную».

По совету Герцена Огарев также написал письмо Эмилю Квантену, которое было доставлено в Стокгольм молодым Герценом. Здесь вновь подчеркивалась та мысль, что реакционная политика русского царизма в Финляндии не имела ничего общего с отношением русского народа к финнам. «Большинство русского населения, — писал Огарев, — никогда не воспринимало присоединения Россией Финляндии иначе как с удивлением и равнодушием, вызванным беспомощностью этого шага. Никогда до завоевания наш народ не смотрел на финнов как на врагов; никогда после завоевания он не считал их русскими подданными». У финского и русского народов был общий враг, и для борьбы с ним нужно было объединиться. «Именно для того, чтобы скрепить наше будущее объединение и обсудить во всех подробностях, что мы можем и должны сделать в настоящее время, к вам и послан молодой Герцен; ему даны все необходимые инструкции. Мы не сомневаемся, что ваши соотечественники окажут ему братский прием и что отныне мы можем рассчитывать на объединенные и согласованные действия, на прочный союз, являющийся для обеих сторон одинаково — залогом нашей силы и нашего спасения».

Как отнеслись финляндские эмигранты к призыву русских революционеров заключить длительный боевой союз — остается неизвестным. Но из писем Герцена, Огарева и Бакунина известно, что некоторая практическая помощь со стороны финнов была оказана. В частности, через Квантена, Ветергофа и Нордстрема в Россию пересылались письма Герцена и Огарева; из числа финнов были нарочные, ездившие в Петербург с поручением установить связь с обществом «Земля и воля»; через финнов он переправлял в бывшие Олонецкую и Архангельскую губернии революционные листовки, отпечатанные в Лондоне Герценом и Огаревым. По словам Бакунина, в Финляндии было много «верных людей», готовых помогать русским революционерам, однако трудность заключалась в организации явочных пунктов в самой России, прежде

всего в Петербурге. В условиях усилившейся реакции царизм жестоко преследовал революционеров, многие из них были арестованы властями, другие вынуждены были эмигрировать. К началу 1864 года общество «Земля и воля» практически прекратило свое существование. Поражение потерпевшего восстания в Польше. Все это неблагоприятно отразилось на дальнейшем развитии контактов между представителями демократических сил России и Финляндии.

Однако под влиянием имевшихся контактов наиболее прогрессивные финляндские деятели постепенно осознали истину, что царизм не пойдет на уступки добровольно, что всякое ослабление реакции наступит лишь в результате мощного натиска освободительной борьбы. Это относилось и к реформам шестидесятых годов в России и к реформам в Финляндии. Большой интерес в этом отношении представляет статья «Голос из Финляндии», опубликованная в «Колоколе» в ноябре 1863 года. Статья подписана: «Финляндец. Гельсингфорс». Она, по-видимому, действительно написана финном. Герцен и Огарев неоднократно высказывали живейшую заинтересованность в получении для газеты материалов из Финляндии. Известно, что через Бакунина Герцен получал письма от одного финна, о которых он отзывался, что они «очень умны». Возможно, этому финну принадлежит и упомянутая статья.

В ней идет речь о том, какие причины побудили царское правительство пойти на уступки. Как известно, в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов в Финляндии были отменены некоторые феодальные ограничения в промышленности и торговле, в сентябре 1863 года был открыт финляндский сейм, принят закон, согласно которому финский язык в течение двадцатилетнего срока должен стать языком судопроизводства наравне со шведским. Буржуазные либералы Финляндии и России изображали эти реформы как проявление «великодушия» монарха, его «любви» к народу. В упомянутой же статье «Колокола», наоборот, подчеркивалось, что со стороны самодержавия это был вынужденный шаг и что дальновидные люди Финляндии понимают его действительные причины.

«Долго спала Финляндия, теперь она пробуждается, — писал автор статьи. — При трубных звуках открытия сейма в Гельсингфорсе, она пробуждается с глубоким сознанием, что она сама возвращает себе свои конституционные права, более полувека попираемые клятвопреступными самодержцами. Пусть знает императорское правительство, что всякий истинный фин-

воевала демократическую конституцию, так было в 1917 году, когда Советское правительство во главе с Лениным предоставило Финляндии государственную самостоятельность.

Учитывая эту дальнейшую перспективу развития связей между прогрессивными силами России и Финляндии, рассказанный нами эпизод из деятельности Герцена и Огарева приобретает принципиальное значение. Следует подчеркнуть, что в первой половине XIX века многие финляндские писатели и общественные деятели еще не мыслили себе русско-финляндского духовного сближения иначе как в русле официальной правительственной политики, а когда в конце сороковых годов царизм своими репрессиями подорвал эту иллюзию, финны стали относиться к России с недоверием, ибо иной России, кроме самодержавной, они не видели. Герцен и Огарев впервые выдвинули революционно-демократическую основу взаимного сближения, что знаменовало собой начало нового этапа в истории русско-финляндских отношений.